

К мифологии жизни А.Ф. Лосева

В.П.Троицкий (Москва, «Дом А.Ф. Лосева»)

В качестве введения в тему нам послужат суждения двух во многих отношениях различающихся авторов. Упор на внешние различия, думается, важен: тем весомее выступает глубинная согласованность этих оценок, тем явственнее звучит единая мелодия на столь широком регистре индивидуальных голосов.

Первое высказывание мы находим в тексте, который написан С.С. Аверинцевым непосредственно после кончины А.Ф. Лосева. Все мы помним ту печально-возвышенную интонацию: «Умер Алексей Федорович Лосев – это звучит как слова из античной легенды: “Умер великий Пан!” Словно мы выглянули утром в окно и видим, что гора, на памяти поколений замыкавшая горизонт, за ночь исчезла»¹. Рядом поставим второе высказывание, из статьи П.В. Флоренского под хлестким названием «А был ли Лосев?» Здесь Павел Васильевич со всюю серьезностью и едва ли не с естественнонаучной строгостью пытается доказывать и обобщать: «Лосева не могло быть, ибо никто не мог написать его труды, Лосева не было, ибо и действительно не он написал эти труды, и его не будет, ибо его заслоняет тот, кем он и был – монах Андроник. Это уже не личность, а громадный сфинкс, который живой был среди нас, любивших его, и мы еще не осознаем, кем он был, есть и кем он будет – великим мифом двадцатого века»². Кажется, комментарии и некоторые разъяснения здесь возможны, но не слишком нужны – в приведенных суждениях очевидным образом выражен общий настрой.

Да, современники А.Ф. Лосева, в том числе (или – прежде всего?) хорошо с ним знакомые, так или иначе мифологизировали его. Мы привели лишь два примера, но подобные же легко отыскиваются в несравненно большем количестве. Впрочем, дело не только во внешних оценках и, скажем определеннее, не столько в той образности, на которую поневоле, положим, склоняются исследователи и интерпретаторы. Очевидно, уже сама по себе жизнь Лосева мифологична. Прямым путем воспроизводит и подтверждает она авторские определения мифа, – приведем одно из них, относительно позднее: «Всё, феноменально и условно трактованное в аллегории, метафоре и символе, становится в мифе *действительностью* в буквальном смысле слова»³. В этой биографии, в этой жизни было немало, можно сказать, подлинно эпических, а точнее, воистину мифических эпизодов, причем подчас таких, на сочинение которых отважилась бы далеко не всякая изошренная выдумка. Мы попробуем нарисовать некоторые из подобных мифических картин, ставших явью.

Вот первая из них, пожалуй, сравнительно легко представляемая и наиболее известная, она из жизни «позднего» Лосева: незрячий старец в неизменной черной шапочке, в неизменном же кресле сидящий (летом на даче – в плетеной качалке), методично внимающий чтению «секретарей» едва ли не на всех европейских языках, а также на латыни и древнегреческом, его воистину родной речи, потом обдумывающий очередную порцию текста в тихом уединении и, наконец, мерно диктующий тем же помощникам строку за строкой, главу за главой, книгу за книгой. И так без перерывов, на протяжении многих лет и, действительно, «на памяти нескольких поколений». Стереотипно хочется привлечь для сравнения образ слепого Гомера, – между прочим, героя многих лосевских исследований, – но мы минуем область слишком громких номинаций и обратимся к другому имени, пока (что несправедливо) менее востребованному. Легендарный неоплатоник Плотин – сопоставление с ним будет вернее уже типологически, да и биографически тоже. Прочитаем из «Жизни Плотина»,

¹ Аверинцев С.С. Памяти Учителя // Контекст-1990. Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С.3.

² Флоренский П. А был ли Лосев? // Наш современник. 1997. №5. С.224.

³ Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 444 (курсив Лосева).

известного трактата Порфирия: «... написав что-нибудь, он никогда дважды не перечитывал написанное; даже один раз перечесть или проглядеть это было ему трудно, так как слабое зрение не позволяло ему читать» (8, 1–4). И еще: «Продумав про себя свое рассуждение от начала и до конца, он тотчас записывал продуманное и так излагал все, что сложилось у него в уме, словно списывал готовое из книги» (8, 8–10), «и беседы с самим собою не прекращал он никогда, разве что во сне; впрочем, и сон отгонял он от себя» (8, 19–20)⁴.

Лосев тоже «словно списывал готовое», да и сон свой он многие годы, без преувеличения, «отгонял». И поражает не столько до странности полное совпадение избранных мест порфириево повествования и внешних подробностей жизни создателя «Истории античной эстетики», сколько неизвестно откуда берущееся ощущение или даже уверенность, что для Лосева так и должно быть⁵.

Беседовать наедине с собой и сочинять книги в уме пришлось не только «позднему» Лосеву, но и Лосеву «раннему», времен первого «восьмикнижия». Тогда, зимой 1931–1932 годов в условиях ГУЛАГа он еще только начинал терять и без того не блестящее зрение. Но уже утратил – свободу и, следовательно, элементарную возможность сидеть за привычным письменным столом, иметь нужные книги под рукой или хотя бы даже записывать ту или иную мысль на бумагу. И вот еще картина⁶. Глухая ночь. Яркие созвездия низко нависают над бескрайними снежными просторами и странно подсвечивают (конечно, участие принимает и луна, сомасштабная пейзажу) плоский речной берег. Впрочем, вернее говорить о нескольких берегах: река Важинка, по которой так удобно сплавлять лес с верховий, впадает здесь в Свирь, а на месте их встречи располагается большой старинный поселок Важины вместе с недавним советским приобретением, концлагерем у деревушки Олесово. Сухо, почти оглушающе скрипит снег под сапогами, временами разносится, только подчеркивая царственную тишину, эстафета ленивого собачьего лая. И над всей этой северной ночной пустыней возвышаются темные громады пирамид, целые их гряды или вереницы. Они воздвигнуты тем же рабским трудом, каким когда-то строили при фараонах для победы над временем. Но здесь не Египет, здесь Россия, а потому пирамиды составлены из отборной древесины. Предназначена же она отнюдь не для вечности, а на экспорт, все хозяйство называется «лесная биржа»⁷. Охраняет территорию «биржи» сторож из заключенных, из политических. Вот он прислонился к ровному срезу ствола циклопической сосны, сквозь толстые линзы очков задумчиво смотрит вверх, на звезды – высокий, худой, мыслью далеко отлетевший.

Своей жене Валентине Михайловне он писал тогда, из лагеря в лагерь: «Продолжаю быть сторожем и ходить по воздуху по 8 часов в сутки. Продолжаю размышлять по философии числа. Придумал еще много разных теорий <...> Надо обязательно дать тебе их на проверку и на благословение, так как все эти мысли – из нашей общей с тобой науки, которая есть сразу и математика, и астрономия, и философия, и общение с “вселенским и родным” (как сказал бы Вяч. Иванов). Книга эта, по диалектике аналитических функций, написанная мною пока в уме, посвящена, конечно, тебе»⁸.

⁴ Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 466 (приложение). Цифры в скобках указывают, соответственно, номера глав и строк трактата.

⁵ Развитие этой темы см. в заметке: Троицкий В.П. Виртуоз мысли // Начала. 1993. № 2. С.4–7.

⁶ Нам уже доводилось эту картину отчасти описывать, см.: Пять штрихов к портрету А.Ф. Лосева // Лосевские чтения. Новочеркасск, 2006. С. 8.

⁷ «Чтобы от этого леса не шел слишком дурной запах, лес передавался разного рода декоративным организациям вроде Севзаплеса, Кооплеса и прочих – и уже от их имени шел в Ленинград», – пояснял И.Л. Солоневич, прошедший Свирьлаг и Беломорканал примерно спустя год после того, как там побывал Лосев (Солоневич Иван. Россия в концлагере. М. 1999. С.253).

⁸ Цитируется письмо от 21–22 января 1932 г., оно опубликовано: Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993. С. 372, 373–374.

Может быть, именно потому глубина математических идей столь занимала ум «заключенного каналаармейца»⁹ Алексея Лосева, что созерцание абстрактных эмпирей помогало временно забыть и хотя бы отчасти победить жуть подневольного, слишком эмпирического бытия. Так или иначе, архивные данные свидетельствуют, что не только общая концепция «Диалектических основ математики», но и отдельные главы этой книги были созданы автором в самых неподходящих для думанья условиях, в неволе. После возвращения из сталинского лагеря А.Ф. Лосев стремительно закончил значительную часть своего фундаментального труда по философии математики. Появились какие-то надежды на его публикацию. Во всяком случае, в архиве сохранились следы активного общения с С.А. Яновской, уже в те годы большого авторитета по методологическим проблемам математики. Было даже написано обширное предисловие к готовой книге, которое составила В.М. Лосева, жена философа и сама математик. Но ничего не вышло, опальный мыслитель был лишен возможности видеть свои труды изданными почти четверть века, вплоть до кончины Хозяина.

А дальнейшая судьба книги сложилась так. Отложенная в долгий ящик, рукопись ее среди прочих бумаг А.Ф. Лосева дождалась своего часа до той августовской ночи 1941 года, когда фашистская авиабомба точно угодила в дом на Воздвиженке, где была квартира Лосевых. Гибель родных, гибель имущества и богатейшей библиотеки, гибель архива. Жалкие останки уцелевшего многие годы потом оставались нетронутыми в далеких ящиках и углах нового жилища Лосева, теперь уже на Арбате. Той бомбой, как десятилетием раньше – арестом, были перечеркнуты многие замыслы, начинания, темы...

Только после кончины философа, когда Аза Алибековна приступила к последовательному разбору и изучению архива, пришла пора находок и обретений. Нашлась и машинопись «Диалектических основ математики», причем в весьма плачевном состоянии – с многочисленными нехватками и следами огня и воды, некоторые страницы буквально слились воедино под напором стихий. Хорошо помнится, как горели ладони после длительной их разборки, приходилось то и дело мыть руки. Едкая известка и пыль, пропитавшие бумагу, вполне убедительно свидетельствовали о бомбежке более чем полувековой давности. Найденного хватило на целый том под названием «Хаос и структура» в серии издательства «Мысль»¹⁰.

Через несколько лет, когда настала пора капитального ремонта дома на Арбате, счастливый случай подарил продолжение этой эпопеи. По необходимости, пришлось перемещать все до одной книги громадной библиотеки А.Ф. Лосева, в результате чего на дне шкафа с латинскими изданиями отыскалась недостающая рукопись – толстая пачка разномастных листов бумаги, тщательно укутанная в газеты того самого лета 1941 года. Так через три года после первого выхода в свет «Диалектических основ математики» из небытия вернулась и заключительная часть этой замечательной работы. Она была опубликована в томе трудов А.Ф. Лосева «Личность и Абсолют». Пусть читатель не слишком посетует, что это цельное философско-математическое исследование пришло к нему вот так, по частям и в два приема. Даже если рукописи не горят (вспомним знаменитую булгаковскую максиму), еще вовсе не значит, что они, возвращаясь к нам, будут следовать порядку редакционно-издательских планов.

А вообще-то – еще как горят, еще как горели. Минувший век безжалостно обошелся с архивом А.Ф. Лосева, ранами утрат и зияний отметив на его бумагах по крайней мере три исторические даты. Так, начало Первой мировой войны означало потерю ранних лосевских рукописей в результате спешного отъезда, почти бегства в июле 1914 года из Берлина, куда молодой философ приехал в научную командировку. Лето

⁹ Достаточно известное и до сих пор функционирующее в обиходе именование «з/к» или «зэк» произведено как сокращение от «заключенный каналаармеец». Родился этот термин как раз в 1932 году именно на Беломорканале, придумал его Л.И. Коган, начальник Беломорстроя (Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг. М., 1934. С.208–209).

¹⁰ Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1996.

1941 года с началом Великой Отечественной войны принесло новую катастрофу – выше мы уже вспоминали о гибели дома на Воздвиженке. Из той воронки от фашистского фугаса извлекались не только разбитые, искореженные листки, но и – чудом уцелели! – совершенно нетронутые пять машинописных томов, размеченных корректорами, в картонных переплетах, это была огромная «Античная мифология», собрание переводов из античных авторов, которое А.Ф.Лосев подготовил в 1930-е годы¹¹. Почти посредине между датами двух мировых войн расположился год «великого перелома» (тоже рубежная помета времени, только – войны уже внутренней, войны сталинской власти с советским народом), а в биографии А.Ф. Лосева этому соответствовал последовавший 18 апреля 1930 года арест и неизбежное изъятие подходящих «материалов» для «шитья дела» умельцами из ОГПУ.

Нужно ли напоминать, что число три во все времена особо выделялось мифопоэтическим сознанием?

Опишем еще одну мифологическую картину, пока что не тронутую кистью или пером ни одного мифографа. Известен в биографии А.Ф. Лосева период (сентябрь 1942 – май 1944 года), когда он после длительного перерыва (включая лагерный) вернулся в Московский университет. Удивительное дело, здесь на вновь открытом философском факультете ему дают вести семинар по философии Гегеля, можно интенсивно создавать работы по логике и математике, ему даже прочат заведывание кафедрой – словом, вроде бы настала пора исполнения надежд на полноценную научную жизнь. Надеждам, однако, не суждено было сбыться: в итоге ни одна строчка из написанного не была опубликована, из университета изгнали. Но знал ли Лосев, под какой жуткой угрозой находилась не только его научная карьера или его политическая репутация, но и, без преувеличения скажем, сама жизнь в то самое время, когда все только начиналось и еще выглядело так многообещающе? Как раз в сентябре 1942 года писатель Р.В. Иванов-Разумник, попавший в зону немецкой оккупации и активно сотрудничавший с профашистски настроенной частью русской эмиграции, начал публиковать в берлинской русскоязычной газете главы из своей будущей книги «Писательские судьбы». И вот в разделе с характерным заголовком «Задушенные», описывая известные ему примеры гонений на свободную мысль в советской России, он коротко повествует и о нашем герое: «на фоне убогой советской философии, на фоне жалких споров «диалектиков» с «механистами» <...> в течение целого десятилетия выделялся интересный и острый мыслитель, неогегельянец А.Ф. Лосев. Ему удавалось печатать свои объемистые труды лишь потому, что он догадался делать это в глухой провинции, вроде Тулы, где цензура была совсем провинциально-наивной. Таким образом Лосеву удалось напечатать с десятков томов на темы философии культуры, пока предержавшие власти не спохватились и не прекратили такое безобразие»¹². Конечно, Иванов-Разумник был полностью уверен, что Лосева давно уже нет на свете (об этом он и сказал в своей публикации), иначе бы он поостерегся столь адресно выказывать свои симпатии «задущенным» в СССР. Да еще когда идет страшная война и по законам военного времени за подобное сочувствие, выказанное в стане врага, легко можно было попасть в объятия СМЕРШа... Не иначе ангел-хранитель сберег Алексея Федоровича. И еще мы можем, конечно, предположить, что в то время у советских карательных органов было слишком много работы, чтобы еще успевать отслеживать и «фильтровать» все эмигрантские публикации.

Новая страница из мифа Лосева недавно приоткрылась перед широким читателем благодаря известному журналу «Новый мир», где можно было прочесть стихотворение

¹¹ Многие годы оставалась верной эта констатация: увы, «Античную мифологию» Лосева, «с ее живыми голосами древних поэтов и философов, чудом выжившую, не печатают» (*Тахо-Годи Аза*. Лосев. М., 1997. С.241). Напечатали только в 2005 году – вот он где, настоящий Аполлодор XXI века!

¹² *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы // Новое слово. № 75 (457), 20 сентября 1942. С. 4; отдельное издание: *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы. Нью-Йорк. 1951. С. 26.

Владимира Губайловского под красноречивым названием «Апокриф». Этим верлибром мы и начнем наше очередное жизне-мифо-описание:

*Однажды вождь и учитель
в конце тридцатых годов
спросил у своих придворных
исторических матерьялистов:*

*– Скажите, а есть у нас
живые идеалисты?*

Ему ответили:

– Есть.

– А много ли?

*– Единственный идеалист
у нас Алексей Лосев.*

*– Если один, пусть живет, –
изрек учитель и вождь,
и Лосева больше не трогали¹³.*

К моменту публикации в «Новом мире» изложенная легенда уже была известна исследователям творчества А.Ф. Лосева. Почти пятью годами раньше первое печатную фиксацию «апокрифа» осуществил С.В. Гальперин. В одной из статей, посвященных философии А.Ф. Лосева, он привел следующий «жутковатый анекдот минувших лет». «Сталину сказали: “Вот Лосев – идеалист”. А тот спрашивает: “А все другие?” – “А все другие – материалисты, Иосиф Виссарионович”. – “Тогда пусть будет *одын идеалист*”»¹⁴.

Сам С.В. Гальперин, как выяснилось, услышал данную историю от Л.В. Литвиновой, заведующей редакцией серии «Философское наследие» в том самом издательстве «Мысль», которое, не помешает лишний раз напомнить, с 1993 по 2002 год том за томом выпускало сочинения А.Ф. Лосева. Однако Л.В. Литвинова, хотя и подтвердив, что «апокриф» о Лосеве (в передаче Гальперина) исходит именно от нее, но при этом долго не могла определенно сказать, откуда сама она узнала его. Вспоминались студенческие годы, какие-то рассказы в кулуарах философского факультета МГУ... По нашей просьбе Л.В. Литвинова в конце концов изложила данную историю своими словами, поскольку у С.В. Гальперина, по ее мнению, были некоторые неточности. Текст этой записи с согласия Ларисы Владимировны мы здесь воспроизведем:

«Точно не помню, кто и когда рассказал мне этот анекдот (скорее всего, это был А.В. Гулыга, в конце 70-х).

И.В. Сталину докладывают:

– Иосиф Виссарионович, есть у нас тут один идеалист – Алексей Лосев...

– А все другие?

– Все другие – материалисты, Иосиф Виссарионович.

– Тогда пусть будет *одын идеалист*».

Самым ценным в записи для нас является указание на рассказ («анекдот») из уст Гулыги. Многое сразу становится понятно: А.В. Гулыга долгие годы работал в редколлегии книжной серии «Философское наследие», одно время был тут заместителем председателя, а председателем же – вот ключевое звено нашей истории – председателем редколлегии являлся академик М.Б. Митин. К сожалению, ни у Марка Борисовича (Митин умер в 1987 году), ни даже у Арсения Владимировича (Гулыга скончался в июле 1996 года, буквально накануне начала наших поисков) уже нельзя ничего спросить. Однако ничто не мешает выдвинуть предположение, что именно от Митина исходит начало всей информационной цепочки: Митин – Гулыга – Литвинова – Гальперин и, через одно или несколько звеньев – Губайловский. Фигура Митина в свое время была более чем заметна:

¹³ Губайловский В.А. Апокриф // Новый мир. 2001. № 8. С.127.

¹⁴ Гальперин С.В. Об историзме Алексея Лосева // Ойкумена мысли: феномен А.Ф. Лосева. Уфа, 1996. С.26.

общался со Сталиным, долгие годы играл роль официального лидера того, что называлось «философским фронтом», многое знал и помнил, включая «непечатное».

Наше дальнейшее, теперь уже архивное расследование не сразу принесло новые результаты. Правда, среди материалов, хранящихся в РГАСПИ в открытой части фонда Сталина (есть еще и закрытая, в Архиве Президента РФ) не трудно было выявить несколько документов, которые свидетельствовали, что М.Б. Митин близко общался или мог общаться со Сталиным (когда, можно полагать, и слышал апокрифическое высказывание) по меньшей мере дважды. Первая встреча произошла 9 декабря 1930 года. Как оказалось, содержание беседы молодых «икапистов», недавних выпускников и преподавателей Института красной профессуры с товарищем Сталиным подробно записал именно М.Б. Митин, участник и, вероятно, один из инициаторов встречи. Эта запись сохранилась в партийном архиве (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1114, лл. 126–134)¹⁵. Историки найдут в ней много важного и поучительного – достаточно сказать, что участникам данной встречи вскоре предстояло завершить окончательное идеологическое закрепощение философской мысли в СССР. Однако имя Лосева в документе не фигурирует. Предположение о второй встрече позволяет сделать имеющееся в том же архиве письмо Митина к Сталину от 7 июля 1938 года (поневоле вспоминается хронологическое указание по тексту Губайловского: «... в конце тридцатых годов»), из которого явствует, в частности, что коллектив сотрудников Института философии, приступив к созданию вузовского учебника по диалектическому и историческому материализму, остро нуждался «в совете и указаниях» Сталина (ф. 558, оп.11, д.773, лл.116–117). Возможно, о Лосеве заговорили в ходе встречи, как раз последовавшей за письмом. Но это только правдоподобная гипотеза, никаких прямых подтверждений располагаемые нами архивные данные пока не дают.

В личном фонде самого М.Б. Митина (он хранится в московском отделении Архива РАН) непосредственно для истории с «одним идеалистом» тоже не нашлось никаких «прямоуказывающих» документов. Но нет худа без добра: благодаря любезности работников указанного архива¹⁶ удалось познакомиться с дочерью М.Б. Митина. Телефонный разговор со Светланой Марковной, который произошел в ноябре 1997 года, принес искомое:

– Мне думается, в архив отдали всё; конечно, много чего не записывалось, времена-то были какие; разговор со Сталиным при мне не раз пересказывал Марк Борисович; да, могу засвидетельствовать; хорошо помню и этот кавказский акцент на «ы» и многозначительный нажим в слове «один»; да, можете на меня ссылаться...

Нам трудно теперь судить, почему Сталин выделил для себя имя Лосева. Может быть, он обратил внимание на вышедшие в свет книги философа, – все же они как минимум неординарны, а Сталин, в свою очередь, был активным читателем и читателем не только ревностным, но и весьма ревнивым. Он мог, в конце концов, запомнить это имя после XVI съезда ВКП (б), когда оно, что и говорить, было явно на слуху. Столько убийственных ярлыков тогда повесили на одного человека: оказывается, «...лосевская идеология отражает настроения самых реакционных элементов нашей страны» (Деборин), «черносотенным и антисемитским духом веет от определения марксизма у Лосева» (Сараджев), «этот современный проповедник астрологии и алхимии поистине с изуверским бешенством говорит о материализме, эмпиризме, науке» (Баммель), «является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины» (Гарбер)¹⁷ и т.п. С таким набором характеристик в те времена неизбежно сочетались

¹⁵ Подробнее см.: *Троицкий В.* «Бить по всем направлениям и там, где не били» // *Посев.* 2002. № 4. С.43–46.

¹⁶ Особая наша признательность старшему научному сотруднику Архива РАН Эмме Владимировне Харольской.

¹⁷ См.: *Деборин А.М.* Современные проблемы философии марксизма // *Вестник Коммунистической Академии.* 1929. № 32 (2). С.4; *Сараджев А.* Против поповско-идеалистической реакции // *Правда.* 14 мая 1930; *Баммель Гр.* Об идеалистической философии после Октября // *Под знаменем марксизма.* 1930. № 5.

известные топонимы – Колыма, Соловки либо, наконец, Беломорканал, куда Лосев и попал. Но факт остается фактом: именно по прихоти вождя или по какому другому мотиву только и была сохранена Лосеву жизнь. «Сидел», был гоним, не публиковался, всегда имел шаткое положение, но жизнь – жизнь сохранили.

Эта апокрифическая история вполне в духе времени «великого перелома». Похожее произошло, как теперь становится известным, и в жизни М.А.Булгакова. Напомним, что в свое время известный исследователь В.Я. Лакшин находил в биографии писателя «таинственные недоговоренности, провалы и неразгаданные совпадения», некоторые из которых как раз и относил «к странному чувству связи его судьбы с личностью человека в усах и с трубкой, портрет которого был знаком каждому». «Он был могучей силой, злой силой, но относился к Булгакову, так по крайней мере считала Елена Сергеевна, если не с сочувствием, то с уважением и тайным любопытством»¹⁸.

Нам не известно, что думал о своем положении в глазах Сталина А.Ф. Лосев (на эту тему он никогда, кажется, не высказывался), но о себе самом как мыслителе «в окружении марксистски мыслящего и живущего общества» он не мог не размышлять. И не задаваться прямым вопросом: «Каково же в самом деле объективное взаимоотношение этих двух несоизмеримых явлений – слабой философской индивидуальности, затерявшейся в необъятном море коммунизма, но мыслившей самостоятельно, и целой новой эпохи, быстро и мощно создающей новую же и небывалую культуру?»¹⁹. Должны этот вопрос задавать и мы. Одно можно сказать теперь с некоторой уверенностью – «если не с сочувствием, то с уважением» относился Сталин не только к М.А. Булгакову, но и к А.Ф. Лосеву.

В наших поисках можно было бы еще коснуться творчества М.А. Булгакова с тем, чтобы, в частности, показать, как имя Лосева было особым (глубоко скрытым) образом запечатлено в художественной ткани самого известного булгаковского произведения, в романе «Мастер и Маргарита». Речь идет об относительной малости, о головном уборе одного из героев этого романа. Черная шапочка мастера, ее происхождение и возможная символика дают нам повод для обрисовки еще одного лосевского мифа. Но мы, учитывая краткость данной заметки, даже не будем намечать здесь подробную картинку и отошлем читателя за нею к нашим предыдущим публикациям²⁰.

Мифологизация Лосева поныне идет своим чередом. Между прочим, благодатную почву к тому предоставляют многообразные «речевые стратегии», стимулированные возможностями Интернет-ресурсов. Начав с двух примеров, двумя примерами (ссылками) на сетевые публикации мы и закончим. Первый – это воспоминания А.Г. Спиркина, известного отечественного философа, многие годы дружившего с А.Ф. Лосевым. В записи беседы с ним «Ровесник Советской власти», помещенной в сетевом журнале «Вестник» (США), № 14 от июня 1997 года (www.vestnik.com/issues/97/0624/win/toom), читатель может найти новую (кажется, маловероятную) версию того, как Лосев лишился зрения, или узнать, что за выдающиеся исследования античной культуры «ему в Греции, в Афинах памятник поставили в семидесятых годах» (классически мифическая информация). Второй пример – уже в июне 2007 года появление любопытного «жизнеописания» Лосева в духе и стиле Диогена Лаэртского на сайте www.wiki.traditio.ru/index.php.

Миф – это жизнь, и жизнь продолжается.

С.54; *Гарбер Х.* Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 37–38. С.144.

¹⁸ *Лакшин В.Я.* Булгакиада // *Лакшин В.Я.* Открытая дверь. Воспоминания, портреты. М., 1989. С.419. Упоминаемая Елена Сергеевна – вдова Булгакова, с которой многие годы общался автор.

¹⁹ *Лосев А.Ф.* История эстетических учений // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 333–334.

²⁰ *Троицкий В.П.* О безымянном мастере и его шапочке // Москва. 1996. № 11. С. 154–164; *он же.* Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М., 2007. С. 87–106.